

Суйсеки – камни трав и цветов

«Эта женщина! Увижу и немею...» – писал Окуджава. Я смотрел на неясный рисунок на камне, и строчки любимого Булата Шалвовича молоточками стучали в голове. Как он догадался, что так бывает, что вот, наяву – поразительный силуэт и тонкий абрис, заставивший взгляд замереть в восхищении? Неужели знал, предвидел – или просто писал о себе, а значит, обо всем на свете?

Дело было в Тусоне, в Аризоне. Раз в году здесь гуляет гигантское шоу минералов, где стоголовая гидра бизнеса выплескивает на свет божий мириады уникальных камней, привезенных со всего мира. Мне посчастливилось несколько раз присутствовать на этом празднике.

Безусловно, женщина была лишь иллюзией, темной кляксой на китайской яшме. Такова реальность. Или все наоборот, невероятная яшма была сказкой, мечтой, а женщина, муза – она всегда явь? Кругом сновали китайцы, шла бойкая торговля сразу на всех языках, шуршали доллары, а я отрешился на миг, думая о чем-то своем.

Я не мог понять, как попала на китайский пейзажный камень эта дама куртуазного века? С тонкой талией, изящной шеей, склоненной головой, в кринолине. Конечно, у природы миллионы вариаций, и какое-то их сочетание всегда реализует любую фантазию. Неужели

простое совпадение, случайно сцепились атомы железа, все эти карбонаты и гидроксиды, окислы и закислы? Сцепились, обнялись, и уже миллион лет живут своей жизнью. А теперь и моей. Кажется, я принял для себя такое материалистическое объяснение...

Издали мне казалось, что изображение на камне вообще не имеет изъянов. Но под лупой сразу стало видно, что платье снизу слишком бесформенное, что дендриты залезли на желтое поле, что головка так себе, не Джоконда. Ну и поделом, нечего исследовать совершенство через микроскоп, надо больше верить самому себе.

Так произошла моя первая встреча с гоуа яшмой. Китайское слово «*guohua*» переводится как «живопись», но не всякая живопись, а национальная (*guo*) или традиционная живопись (*hua*). Скажем Рембрандт не гоуа никоим образом, а живший 1000 лет назад придворный художник Чжэнь Дао (*Zheng Dao*) – еще как гоуа. Но не Рембрандт.

Само название камня, связывающее его с живописью, имеет особый смысл. Однако я привык к несколько другому его имени. В провинции Гуанси, где добывают непревзойденные по красоте гоуа яшмы, их называют чоуа ши (*caohua shi*), т.е. «камни живописных трав и цветов». Если вспомнить, что именно воспевают традиционная китайская живопись, то разница в названиях, в сущности, совсем небольшая.

Чтобы жизнь медом не казалась, есть у гохуа яшмы и другие названия: китайский пейзажный камень, китайский ландшафтный камень, рисунчатый суйсеки и даже пейзажный алевролит. Последнее звучит ужасно, но правильно. То есть никакая это не яшма, пусть даже китайская. Подобно тому как китайская роза – совсем не роза, а гибискус.

Действительно, китайские пейзажные яшмы ни в коем случае не являются настоящими яшмами. Их твердость ниже, кремнезема меньше. Дело в том, что в восточной традиции яшмами называют все красивые камни, за исключением нефрита и жадеита. Последние относятся к семейству зеленых жадов. Правда, существуют также красные жады, белые жады, желтые жады... В общем, Восток – дело тонкое, и если где-нибудь на рынке в Таиланде или в магазине в Китае предлагают яшму или жад, это ничего ровным счетом не значит. Это может быть что угодно.

Гохуа яшмы зачастую рассматриваются как часть культуры суйсеки. Японское слово «суйсеки», состоящее из «суй» – вода, и «сэки» – камень, означает искусство постижения камня, воссоздающего в миниатюре силу и красоту первозданной природы. В значительной степени философия суйсеки сходна с философией бонсай. Но бонсай знают все, а о суйсеки мало кто слышал.

Вся история началась в Китае, где около 2000 лет назад возникло увлечение гонгши, или камнями учителей. По-китайски «*gong*» означает дух, а «*shi*» – камень, но почему-то название «камни души» не вошло в обиход, а прижилось сочетание «камни учителей». Как правило, это были известняки причудливых, диковинных форм, небольшие – до метра, которые вдохновляли на созерцание, размышление, а если повезет, то и на медитацию. Их эстетика включала наличие чего-то необычного, нехарактерного для монолитного камня: дыр, туннелей, морщин, складок, пещер, колодцев. Им посвящали свои произведения поэты, писатели, художники, они использовались в качестве официальных правительственных даров. Именно так гонгши попали в Японию где-то в VI веке. Здесь, на новой почве, в стране утонченности и стиля, традиция гонгши расцвела и дала начало культуре суйсеки.

Без сомнения, природа – главный герой, стоящий за каждым вздохом, связанным с суйсеки. Формально говоря, суйсеки – это камни, от миниатюрных до значительных, которые каким-то образом представляют окружающий мир. Они отображают, изучают, обнажают природу, имитируют ее пропорции, формы, цвет, текстуру. Они могут стимулировать воображение, вызывая к жизни образы гор, островов, холмов, озер, скалистых берегов рек, водопадов, перевалов, двуглавых вершин. При этом здесь нет места безудержной фантазии и произволу. Как часто бывает в Японии, все учтено и классифицировано. Помимо ландшафтных суйсеки, есть камни-животные (кеишо-секи) и камни-люди (сугата иши). В отдельную категорию выделены камни-птицы (торигата иши) и камни-рыбы (уогата иши). Есть даже суйсеки-насекомые. Все играет здесь свою роль: трещиноватость, патина, цвет, рисунок. Все имеет значение и смысл.

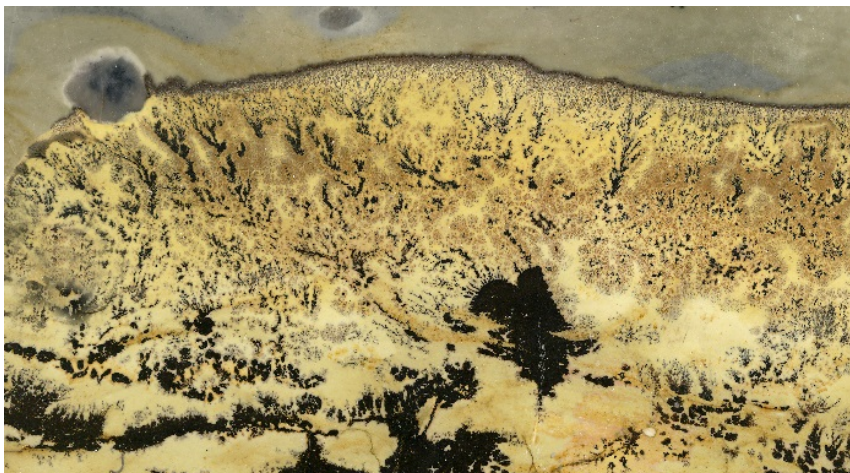

Камни экспонируют на специальных подставках – дайза, перевозят в специальных ящиках. Классические дайза вырезают из легкой и мягкой древесины. Часто это – паулония, самое быстрорастущее дерево в мире. Иногда используют керамические подносы – суибаны, иногда бронзовые подставки, иногда специальные столы. Как и в бонсай, в искусстве суйсеки есть канон и есть свобода. В их симбиозе и рождается гармония.

О суйсеки можно говорить бесконечно. Но с момента встречи с «Прекрасной дамой» из Тусона меня стали интересовать в основном чохуа яшмы – камни плоской формы, фактически срезы, на которых, как в сказке, есть все: и реальность, и вымысел.

Настоящий расцвет чохуа яшмы начался в 70-х годах XX века, с момента открытия месторождений в районе Лючжоу. Этот город стал столицей обработки и производства изделий из камня. Раз в году, осенью, в Лючжоу проводится «Фантастик Стоун Фестивал» – фестиваль пейзажного камня. В течение пяти дней город живет этим событием. Но когда фестиваль стихает, остаются многочисленные лавочки, магазины, галереи, в которых всегда можно найти подлинные шедевры.

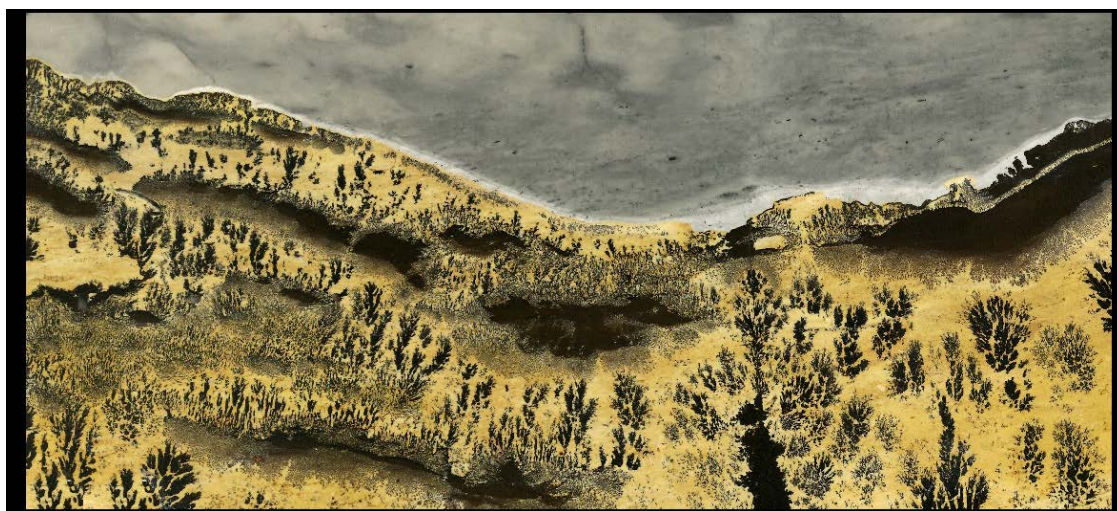

Изображения на китайских яшмах абсолютно созвучны идеям китайской живописи. Как такое произошло, уму непостижимо. Ведь возраст у яшм весьма почтенный, за 400 миллионов лет зашкаливает. Но, тем не менее, сходство естественных картин с полотнами художников вызывает не просто удивление, а некую внутреннюю дрожь и легкий испуг. Ну представьте, распиливаем мы кусок уральской яшмы, например, из Орска, а там пейзаж кого-то из передвижников. Абсурд... И тем не менее, для китайской пейзажной яшмы это норма.

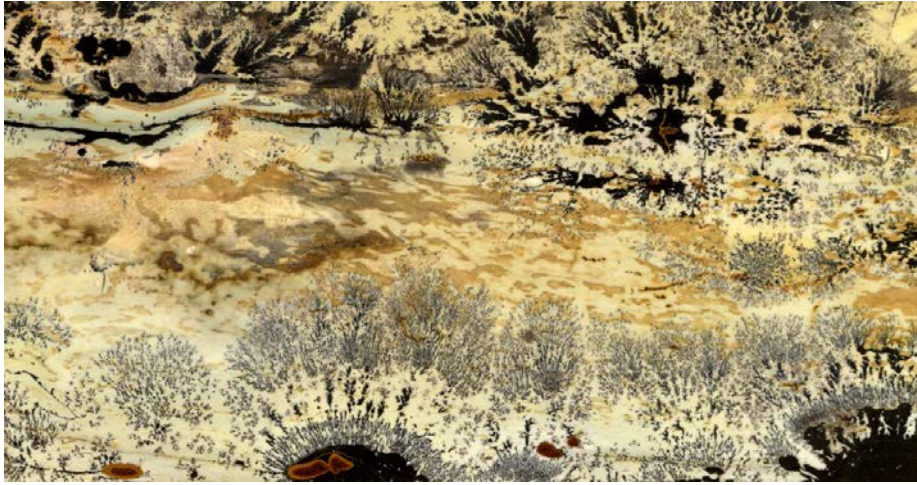
Вот очень дорогая для меня яшма: видны две характерные сосны, дорожка среди кустов и деревьев, пруд. Ничего из перечисленного никак не привязано к месту, однако даже беглый взгляд на каменный рисунок не оставляет сомнений в том, что это Юго-Восточная Азия.

Ну хорошо, возможно, это единичный пример, совпадение, случайность, подделка, что угодно. Нет, нет и нет! Такова жизнь, запечатленная в камне. Все честно и чисто. Я уже люблю следующим шедевром того же Художника. Овраг или, скорее, распадок в холмах, поросший кустарником, с проплешинами черной влажной земли, раскинувшийся где-то в китайской глубинке. Небо темное, совсем не освещает землю. Зато как все точно и скрупулезно скомпоновано. Как будто кто-то сидел и выверял, а лишь потом взял тушь, краски, взглянул ещё раз за окно и начал писать.

Образы меняются вместе с камнями, но квинтэссенция остается неизменной. Похоже, рука у Создателя твердая и неподвластная творческим метаниям. Вот прекрасный пейзаж, который никого не может оставить равнодушным. Вода струится слева направо, исчезая за пределами полотна. Ближний берег порос кустарником из дендритов, на дальнем берегу видна отмель. Может быть, там вязко, и наши следы засосал песок. Желтый песок времени...

Было бы заблуждением думать, что тематика чохуа яшм сугубо сельская. Когда я увидел урбанизм одной из них, то в первый момент даже забыл о том, что это камень. В самом деле, все хорошо до известного предела, дальше – караул, это слишком, это за гранью разума, это уже совсем другое явление, пришедшее из грез и видений. Город, пагоды, вода, небольшие кусты на берегу. Серое небо, типичное для осеннего Китая. Какая работа тушью, какое отражение, какая передача настроения! Все хорошо. Но ведь никто этого не писал... не брал никакой туши... ни в какие руки...

Как и в Японии, китайские яшмы покупают вместе с подставками. Подставки достаточно утилитарны, так как этим камням стоять в доме, а не лежать в шкафу. Они созданы для уюта, красоты, покоя, радости – для всего того, чего нам так не хватает. Гохуа яшмы часто ставят сериями – пусть работают, пусть несут в дом мир и покой, а в душу – мудрость. Дальше я должен был бы написать про дао, про Конфуция, про стихи и философию – но я не буду. Не хочу! Я просто снова смотрю на облака. «Облака плывут, облака...»

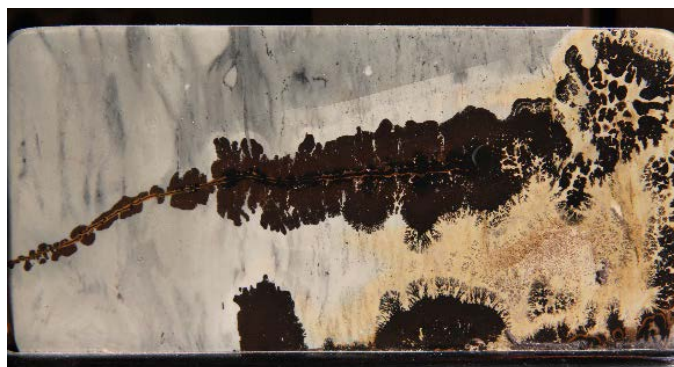
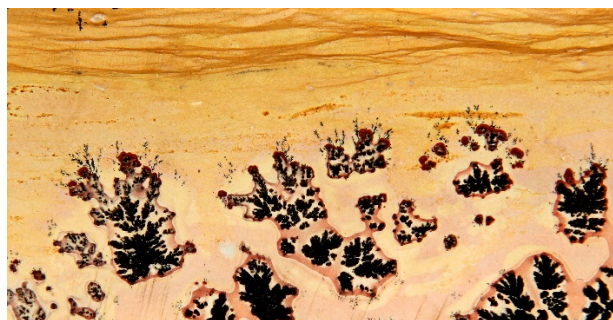
*«Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака...
Им тепло небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века...»*

Галич, Александр Галич... на яшме родом из Лиужоу. Как это? Кусты такие искореженные, а облака такие грустные. Память поколений, запечатленная в камне. Рафинированная печаль обо всех на свете, ведь по своей сути камень не конкретен, он лишь обозначает чувство. У каждого свои думы, свои ассоциации, свой мир. В этом одна из сущностей суйсеки. Они всегда подстегают воображение, а уж куда оно понесет – то никому не известно.

К счастью, воображение не равносильно грусти, иногда фантазии бывают вполне симпатичными. На этом пригорке растут два дерева. Одно – дерево как дерево, а второе напоминает цветущую виолончель из метафизического сада. За ними наблюдает существо на ветке – ваш покорный слуга с обезьянкой. Обезьянка справа, я – слева, чем не начало рассказа...

Сюжеты на китайских пейзажных камнях неисчерпаемы. Некоторые из них минималистичны, некоторые уносят в космические просторы. Некоторые сюрреалистичны, некоторые вполне приземленные. Рассматривать их – изысканное удовольствие, словно перелистываешь роскошный альбом без начала и без конца.

Среди всего многообразия сюжетов есть один, который характерен только для жада из Сюняня, который на самом деле – вариант серпентинита или офиолита. В Китае имеется

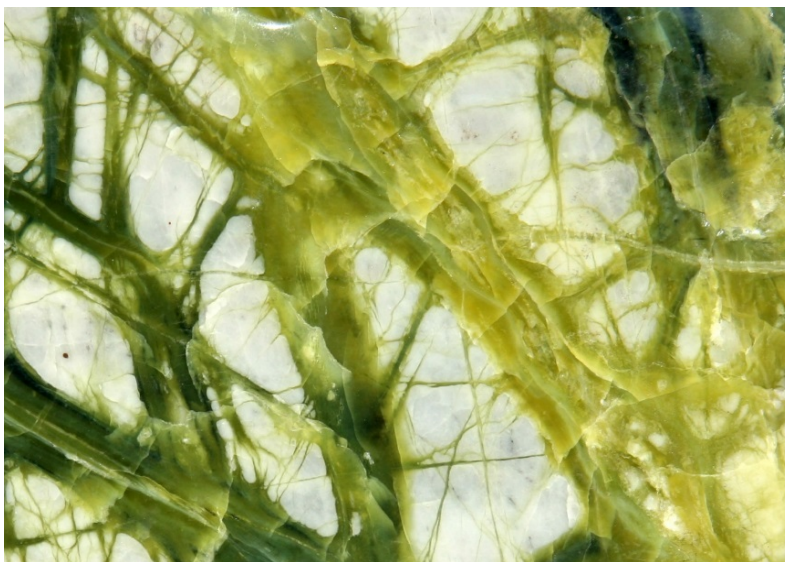
многовековая школа работы с этим материалом. Игра природы в нем безгранична и требует лишь не пропустить, а выделить правильный ракурс.

Суйсеки из этого камня стали в последние годы очень популярными. На них леса, ветвистые деревья, лианы, тростниковые болота, бамбуковые рожи во всех оттенках зеленого цвета: от светло-салатового до густого темно-зеленого.

Посмотрите: перед нами мощное дерево, чья крона породила многочисленные воздушные корни, и, в итоге, целую рощу. Не иначе, это так любимый на Востоке священный баньян.

А здесь переплетение лиан и ветвей деревьев субтропического леса. В левом нижнем углу имеется одна линия, прописанная тонкой кисточкой. Так в Китае облагораживают серпентинитовые суйсеки. Заметить подделку может только очень опытный глаз. Поэтому если искать нетронутые человеком пейзажи, то надо вооружиться хотя бы лупой.

Я смотрю на китайские пейзажные камни. Они уютно устроились на полках у нас дома. За каждым из них стоят свои воспоминания, свой кусочек жизни, свой путь познания, свои разочарования и свои открытия. История суйсеки учит многим вещам. Помимо красоты, в ней есть место терпению и мудрости. Это как раз то, чего мне так не хватает. Поговорить бы с ними. Но камни безмолвны, по крайней мере, внешне. Иногда мне кажется, что я слышу их язык, понимаю их речь. Пустое... это мираж. Это как синяя тетрадь, в которую всегда можно убежать ото всех, даже от себя. Там другой мир, открываешь страницу – и читаешь, переворачиваешь ее – и пишешь...

Проходит время. Выплеснутое на бумагу становится менее весомым, но более человеческим. Я хочу, чтобы к таинственной красоте китайского пейзажного камня прикоснулось как можно больше людей. Так появился этот очерк.